

Ф.Ф. МАРТЕНС О ПРАКТИКЕ НАЗНАЧЕНИЙ И КАДРОВЫХ РЕШЕНИЙ В СФЕРЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ НАЧАЛА XX ВЕКА

© 2022

Чернов О.А.

Самарский государственный социально-педагогический университет (г. Самара, Российская Федерация)

Аннотация. Фёдор Фёдорович Мартенс – широко признанный юрист-международник, который осуществлял деятельность по организации и проведению ряда международных конференций, автор исследований в области международного права, высокопоставленный сотрудник Министерства иностранных дел Российской империи. Деятельности Ф.Ф. Мартенса посвящена довольно обширная исследовательская литература. Историки по-разному оценивают его личные качества, но сходятся во мнении относительно дипломатической и юридической практики Ф.Ф. Мартенса. Ценность дневников Ф.Ф. Мартенса состоит в том, что в них присутствуют оценки деятельности российских и иностранных дипломатов, других государственных деятелей и организации внешней политики Российской империи в целом. Анализ дневниковых записей Ф.Ф. Мартенса позволяет выявить его личную позицию, которая порой заметно отличалась от того, что он писал в официальных документах, отражающих формальную деловую сторону вопроса. Это позволяет внести существенные элементы в понимание того, как формировалась практика назначений и кадровых решений в сфере внешней политики России. Ф.Ф. Мартенс критикует принципы, на которых строилась практика назначений и кадровых решений в сфере внешней политики России, отмечая явления, которые мешали успешной реализации внешнеполитического курса Российской империи.

Ключевые слова: Мартенс Фёдор Фёдорович; Министерство иностранных дел Российской империи; российская дипломатия; государственный механизм; внешняя политика; документы личного происхождения.

F.F. MARTENS'S VIEWS ON THE PRACTICE OF APPOINTMENTS AND PERSONNEL DECISIONS IN THE SPHERE OF FOREIGN POLICY OF RUSSIA AT THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY

© 2022

Chernov O.A.

Samara State University of Social Sciences and Education (Samara, Russian Federation)

Abstract. Fedor Fedorovich Martens is a widely recognized international lawyer who organized and conducted a number of international conferences, the author of studies in the field of international law, a high-ranking employee of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Empire. The activity of F.F. Martens was devoted to a fairly extensive research literature. Historians assess his personal qualities differently, but agree on the diplomatic and legal practice of F.F. Martens. The value of the diaries of F.F. Martens lies in the fact that they contain assessments of the activities of Russian and foreign diplomats, other statesmen and the organization of foreign policy of the Russian Empire as a whole. The analysis of the diary entries of F.F. Martens allows us to identify his personal position, which sometimes differed markedly from what he wrote in official documents reflecting the formal business side of the issue. This makes it possible to introduce significant elements in understanding how the practice of appointments and personnel decisions in the sphere of Russia's foreign policy was formed. F.F. Martens criticized the principles on which the practice of appointments and personnel decisions in the sphere of Russia's foreign policy was based, noting the phenomena that hindered a successful implementation of the foreign policy of the Russian Empire.

Keywords: Martens Fedor Fedorovich; Ministry of Foreign Affairs of the Russian Empire; Russian diplomacy; the State machinery; foreign policy; documents of personal origin.

Фёдор Фёдорович Мартенс – выдающийся российский специалист в области международного права, автор многочисленных трудов в этой области, эксперт и участник российских делегаций на важнейших международных конференциях.

Деятельности Ф.Ф. Мартенса посвящена довольно обширная историография, в которой можно отметить наиболее существенные работы, имеющие отношение к проблеме, рассматриваемой в данной публикации. Так, заслуга реконструкции биографии Мартенса принадлежит В.В. Пустогарову [1–3]. Отдельные аспекты деятельности Мартенса и оценки его персоналии рассматриваются в публикациях И.С. Рыбачёнок [4–6]. Данный автор также вполне справедливо отмечает наличие апологетических мо-

тивов в исследованиях В.В. Пустогарова [5, с. 105]. В целом же исследователи высоко оценивают профессиональный уровень Мартенса, но существенно расходятся в оценках его личных качеств, что позволяет сформировать одну из исследовательских проблем данной статьи. Механизм работы МИД России также привлёк внимание исследователей. В этой связи необходимо выделить положения, которые сформулировал В.А. Емец [7; 8]. Рассматривались отдельные аспекты и в работах, которые посвящены более широким аспектам истории внешней политики Российской империи [9–15].

Дневники Мартенса отражают его взгляды и, таким образом, являются важным источником. Тем более что использование их в исследованиях нельзя

признать достаточным, а тем более частым. Ценность дневников Мартенса состоит в том, что в них присутствуют его неформальные, личные оценки деятельности российских и иностранных дипломатов, других государственных деятелей и организации внешней политики Российской империи в целом. Безусловно, что оценки эти порой носят достаточно пристрастный и эмоциональный окрас. Это обстоятельство ни в коей мере не снижает научной ценности информации, содержащейся в дневниках Мартенса, ибо целью данной публикации является выявление субъективных факторов в управлении внешней политикой Российской империи, а не трансляция картины событий из официальных документов. Теоретические изыскания профессора Мартенса, его преподавательская и дипломатическая практика также не входили в задачи данной публикации, хотя и учитывались в необходимой мере.

Компаративный анализ дневниковых записей Мартенса даёт возможность выявить его личную позицию, которая порой заметно отличалась от того, что он писал в официальных документах, отражающих формальную деловую сторону вопроса. Это позволяет внести существенные элементы в понимание того, как формировалась работа дипломатической службы Российской империи.

Синтез положений, содержащихся в дневниках, позволил обобщить основные проблемы в системе назначений и кадровых решений во внешнеполитической сфере, на которые обращал внимание Мартенс.

Обращаясь к вышеозначенным аспектам, Мартенс приводит слова министра Ламздорфа, который подверг критике кадровый порядок, сложившийся в системе российского государственного управления, и заявил, что критика британской системы безосновательна, т.к. там «почти всегда выбирают дельных и умных людей для защиты своих интересов». При этом он отметил, что в России на ответственные должности назначаются «дураки и проходимцы». Мартенс согласился с мнением министра, но при этом подчеркнул, что сам Ламздорф ничем не выделяется в этом порядке назначений [16, с. 101].

Мартенс отмечает новые назначения и в их числе то, что министр юстиции Н.В. Муравьёв был назначен послом в Рим по ходатайству великого князя Сергею Александровича. Все назначенные были его «протеги и холопы» [16, с. 102].

Дневник содержит подробности назначения самого Мартенса в состав делегации России на переговоры с Японией о подписании мирного договора [17, с. 97]. 19 июня Мартенс «получил... телеграмму от сына, что гр. Ламздорф просит меня приехать в Петербург. Я догадался, что это касается мирных переговоров с Японией и что меня хотят запречь в это дело. Я решил во всяком случае отказать» [17, с. 97].

Однако на следующий день Мартенс узнал из газет, что без согласования с ним он уже назначен в состав делегации, причём в оскорбительной для него форме: Н.В. Муравьёв назначен первым уполномоченным; вторым – барон Розен, «и в числе "состоящих при них" третьим был назван "проф. Ф.Ф. Мартенс. Это меня возмутило до глубины души. Я даже уполномоченным не хочу ехать для подписания позорного мира, а тут меня назначили "состоящим" при

Н.В. Муравьёве и бароне Розене! Я решил скорее выйти в отставку, нежели согласиться на такое унижение» [1, с. 228].

Для решения вопроса Мартенс отправился к Ламздорфу. Тот ссылаясь на решение императора, который назначил Мартенса «ввиду ... авторитета и практики» [17, с. 97]. Два дня подряд Мартенс говорил с Ламздорфом, пытаясь отказаться от назначения. Министр был непреклонен. «Ламздорф возвысил свой голос и сказал, что если я отказываюсь от поездки в Америку, то я "поставил крест" на всю мою дальнейшую карьеру ... что он доложит государю о моем отказе и не знает, какое он примет решение ... что Муравьёва также не спрашивали» [17, с. 98]. На следующий день Мартенс отметил: «Трудно описать гнев графа, и опять он повторил, что тогда между нами все кончено! Он себя считал моим "верным другом", он все только и думает о том, как меня лучше и скорее устроить, он серьёзно намерен меня предложить государю на пост посла в Вашингтоне, где барон Розен совсем не на месте, ибо он глуп... Граф сделался красноречивым и стал мне доказывать, что я буду участвовать во всех переговорах, что он переговорит об этом с Муравьёвым и что, наконец, я впоследствии могу также получить полномочия... Словом, граф мне сулил всевозможные блага, если б я только согласился» [17, с. 98].

В конечном счёте Мартенс дал своё согласие. Фактором для положительного решения стало то, что Н.В. Муравьёв отказался, ссылаясь на болезнь, и императору, под давлением Ламздорфа, пришлось назначить главой делегации С.Ю. Витте. В отношении же Муравьёва Ламздорф сообщил императору, что тот «обирает и обирал казну, что он прямо занимается казнокрадством, что он совсем ничего не понимает в делах Дальнего Востока» [17, с. 98], кроме того, ему было отказано в оплате его лечения.

Назначение Витте Мартенс оценивал в высшей степени положительно. «Я лично доволен назначением С.Ю., который отлично знает дела Дальнего Востока и бесспорно умный человек» [17, с. 99]. Однако, несмотря на высказанное согласие, император продолжительное время не приглашал Витте на приём, что тот ставил условием своего участия в работе делегации. После аудиенции Витте пригласил Мартенса, где обещал ему широкое и непосредственное участие в переговорах на правах уполномоченного, чем тот был вполне удовлетворён [17, с. 99].

Ситуация резко поменялась уже непосредственно на переговорах. Перед их началом Витте сообщил Мартенсу, что «японцы не согласны, чтоб Вы присутствовали в заседаниях конференции. Они категорически протестуют, и все мои возражения остались без внимания». Мартенс был шокирован: «Я был, как громом, поражён! Как японцы могут запретить русским уполномоченным являться в заседания конференции ещё в сопровождении делегатов?! Как какое бы то ни было правительство может запретить другому, кроме уполномоченных на конференцию, назначить еще делегатов?! Где было видано, чтоб такое право назначать своих делегатов было оспариваемо?» [17, с. 99–100]. В конечном счёте Мартенс был допущен до процесса согласования положений договора и его редактирования, после того как Витте со-

гласовал с японской делегацией принципиальные условия [17, с. 101].

Мартенс отмечает в дневнике, что участие Витте на этапе редактирования точных положений договора обнаружило, что и он, несмотря на свой ум и талант, был не способен к данному виду деятельности в силу отсутствия необходимых компетенций. Витте с «его тупоумным коллегой – уполномоченным Розеном» допустил, что японская делегация не внесла существенных оговорок в статьи, тем самым ухудшив условия соглашения [17, с. 102].

В записи от 20 октября 1905 г. Мартенс коснулся темы реформирования правительства в той части, которая касалась МИД. Он сетовал, что Министерству иностранных дел «всё-таки отведено какое-то привилегированное место» и в силу этого «такой болван, как гр/аф/ Л/амздорф/, может процветать еще много лет» [17, с. 105].

Самое главное, что его не устраивало, так это то, что «назначения на дипломатические должности пойдут мимо совета министров. Это очень жаль. Назначения на дипломатические должности, делаемые гр/афом/ Л/амздорфом/ и его другом кн/язем/ Оболенским, до такой степени безобразны, что постоянно вызывают общее негодование. Только одних дураков и тупиц назначают» [17, с. 105]. В качестве примера он привёл случай с назначением на пост русского посланника в Токио Бахметева. «Этот тупица и ограниченный человек будет охранять интересы России в Японии!! Туда нужно было бы послать самого умного русского дипломата, а назначают кого? Бахметева, который оказался настолько невозможным в Болгарии, что в прошлом году хотели его перевести за неспособность в Веймар. Теперь, после войны и для исполнения Портсмутского мирного трактата, назначают его в Токио! Разве это не возмутительно и не больно для каждого русского, любящего свое отечество?!» [17, с. 105].

Инцидент, связанный с назначением Бахметева, встречается и в других источниках [18, л. 116]. Так, в 1906 г. сотрудник газеты «Новое время» К.Д. Бербенко пересказал возмущение одного из болгарских дипломатов: «Добро бы у русских не было способных дипломатов... Но ведь это неправда; в России их непочатый уголь. Я лично двоих знаю, но они в загоне; например Чарыков – посланник в Голландии; ведь это первоклассный дипломатический талант... Потом г. Извольский... Вот кого бы посланником в Токио! А то Бахметьев ... и мой собеседник в отчаянии махнул рукой» [19].

Переживания Мартенса относительно кадровой практики и принципов назначения на должности носили ещё и личный характер. Это достаточно ярко отражено в его дневниках. Так, 2 апреля 1906 года он узнал, что не был выбран в состав Государственного Совета, что зафиксировал «с чувством глубочайшей скорби и беспредельного негодования» [20, с. 109]. Последующие записи раскрывают, как это случилось, и тем самым проливают свет на факторы кадровых решений, не имеющих полного отражения в официальном делопроизводстве.

Мартенс полагал, что виновником являлся «мерзавец Ламздорф». Дело было в том, что Мартенс в своём письме к Ламздорфу по вопросу о включении в «Основные Государственные Законы» особой ста-

тьи, исключавшей императора, а значит, и министра иностранных дел от любой ответственности перед Государственной Думой, высказался против составления таковой, т.к. это будет невозможно осуществить. Ламздорф согласился с Мартенсом, но спустя некоторое время поручил Таубе и Муромцеву составить такую статью, что и было сделано. После этого он показал письмо Мартенса Николаю II «в доказательство того, что я открытый враг самодержавия, социал-демократ и революционер!!! Можно себе представить, насколько при таких обстоятельствах моя кандидатура в Государственный Совет могла иметь успех!» [20, с. 110] – отметил Мартенс.

Дальнейшие записи свидетельствуют об отставке самого Ламздорфа, которая была сделана по требованию нового премьера правительства А.Л. Горемыкина. В утешение ему было разрешено жить летом в Елагинском дворце, а А.Д. Оболенский по его протекции произведён в члены Государственного Совета. Финальным венцом стала публикация в «Правительственном Вестнике» высочайшего рескрипта, «в котором восхваляются и трудолюбие, выдающиеся способности, и дарования и "огромные познания"/sic!/ графа Ламздорфа» [20, с. 110–111].

В следующих записях он касается методов кадровых назначений Извольского и отмечает, что «распоряжения Изв/ольского/ внутри МИД часто вызывают и недоумение, и смех. Смехотворно его намерение преобразовать МИД. Так, он выбрал отставного кавалергардского офицера (Н.Н.) Шебеко в младшие советники с поручением ему управления политическими делами. Но, спрашивается, какими политическими делами? Всеми, очевидно, ибо разграничения нет. И вот этот гвардейский офицер, ни в чём не сумняшися, сочиняет какие-то записки» [20, с. 112] и приводит пример с его запиской о нейтралитете Норвегии, содержащей юридические нонсенсы.

В целом деятельность Извольского как министра иностранных дел Мартенс также критикует. «Все более обнаруживается тот печальный факт, что Россия ровно ничего не выиграла заменой гр. Ламздорфа А.П. Извольским. Насколько первый был бездарнейший из министров и/ностранных/ д/ел/, настолько второй – даровитый Хлестаков и хвостун», – отметил он в записи от 21 ноября 1906 г. [20, с. 112].

В процессе подготовки проектов Извольский обратился к Мартенсу «с просьбой взять на себя ведение всего дела о II мирной конференции в Гааге» [21, с. 101]. Нельзя не отметить отличия от методов Ламздорфа, который просто назначил Мартенса в состав делегации на Портсмутскую конференцию без предварительного уведомления. Однако шквал критики со стороны Мартенса это не снизило. Мартенс заметил, что «каждый день Извольский изменяет редакции составленных телеграмм и нот, придирается к словам, затем опять восстанавливает заброшенную первоначальную редакцию, ругает чиновников МИД, называя их младенцами, которых нужно "вышвырнуть из м/инистерства/", и затем этих же самых рекомендует на лестные новые назначения!!! Словом, Извольский это не м/инистр/ и/ностранных/ д/ел /, не государственный муж, а избалованная, капризная женщина, которая имеет полную возможность дать свободу своим нервам!» [21, с. 105].

Таким образом, дневниковые записи Мартенса свидетельствуют о его весьма критическом отношении к принципам подбора кадров и практике назначений в российской внешнеполитической сфере, и более того, в государственном управлении в целом. При этом важно отметить, что его критика не ограничивалась только российской бюрократией. После возвращения из европейского турне он отметил: «И тут я убедился, что германские чиновники очень похожи на наших – дальше своего носа ничего видят» [21, с. 102].

В связи со всем вышесказанным оценка его как «крайне тщеславного, себялюбивого, желчного и брюзгливого человека, болезненно переживавшего недооценку, как он считал, его заслуг в родном отечестве» [5, с. 102] объясняет категоричность его суждений. При этом нельзя не заметить, что дневниковые записи Ф.Ф. Мартенса формируют такую картину событий, что он имел неоднократный повод быть недовольным, поскольку то, что ему было обещано за его труды, не выполнялось, не говоря уже о том, на что он сам рассчитывал.

В дневниках Ф.Ф. Мартенса отражено его личное мнение, мнение высокопоставленного чиновника МИД и признанного учёного-правоведа, о том, каким образом должны производиться назначения, а также его критерии и оценки конкретных персональных решений. По его мнению, вмешательство императора и особенно его родственников, высокопоставленных лиц других ведомств, личные пристрастия, образовательный уровень и особенности темперамента министров иностранных дел были факторами, которые негативно отражались на практике назначений и кадровых решений во внешнеполитической сфере, а значит, сказывались на конкретной дипломатической практике и мешали организации более успешного внешнеполитического курса Российской империи.

Список литературы:

1. Пустогаров В.В. «...С пальмовой ветвью мира». Ф.Ф. Мартенс – юрист, дипломат, публицист. М.: Международные отношения, 1993. 286 с.
2. Пустогаров В.В. Ф.Ф. Мартенс – юрист, дипломат, публицист // Вопросы истории. 1999. № 7. С. 141–147.
3. Pustogarov V.V. Our Martens. International lawyer and architect of peace / ed. by W.E. Butler. Hague, 2000. 360 p.
4. Рыбаченок И.С. Россия и Первая конференция мира 1899 года в Гааге. М.: Росспэн, 2005. 391 с.

5. Рыбаченок И.С. Заграничное турне профессора Ф.Ф. Мартенса // Вопросы истории. 2018. № 8. С. 100–122.
6. Рыбаченок И.С. Россия и вторая конференция мира 1907 года в Гааге // Новая и новейшая история. 2019. № 1. С. 113–146. DOI: 10.31857/s013038640003809-7.
7. Емец В.А. Государственное руководство внешней политикой России в конце XIX – начале XX в. (сер. 90-х гг. XIX в. – февраль 1917 г.). Механизм принятия внешнеполитических решений (к постановке проблемы) // К 75-летию начала первой мировой войны: мат-лы конф. М.: Ин-т истории СССР, 1990. С. 28–30.
8. Емец В.А. Механизм принятия внешнеполитических решений в России до и в период Первой мировой войны // Первая мировая война: дискуссионные проблемы истории. М.: Наука, 1994. С. 57–71.
9. Бестужев И.В. Борьба в России по вопросам внешней политики. 1906–1910. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 406 с.
10. Игнатъев А.В. Внешняя политика России. 1907–1914. Тенденции. Люди. События. М.: Наука, 2000. 231 с.
11. Авдеев В.Е. Александр Петрович Извольский // Вопросы истории. 2008. № 5. С. 64–79.
12. Кострикова Е.Г. Государственная Дума России и реформирование министерства иностранных дел // Отечественная история. 2007. № 1. С. 40–62.
13. Лошаков А.Ю. Граф Владимир Николаевич Ламздорф // Вопросы истории. 2014. № 3. С. 20–47.
14. История внешней политики России: конец XIX – начало XX века (От русско-французского союза до Октябрьской революции). М.: Международные отношения, 1997. 670 с.
15. Очерки истории Министерства иностранных дел России: В 3 т. Т. 3. М.: Олма-Пресс, 2002. 419 с.
16. Политика России 1905–1907 годов. Из дневника Ф.Ф. Мартенса // Международная жизнь. 1996. № 1. С. 99–107.
17. Политика России 1905–1907 годов. Из дневника Ф.Ф. Мартенса // Международная жизнь. 1996. № 2. С. 97–105.
18. Архив внешней политики Российской империи. Ф. ДЛС и ХД. Оп. 731. 1893–1910. Д. 27.
19. Чернов О.А. Дипломатический корпус Российской империи конца XIX – начала XX вв.: опыт аналитической биографии (по материалам Н.В. Чарыкова): дис. ... д-ра ист. наук. Саратов, 2020. 844 с.
20. Политика России 1905–1907 годов. Из дневника Ф.Ф. Мартенса // Международная жизнь. 1996. № 4. С. 104–112.
21. Политика России 1905–1907 годов. Из дневника Ф.Ф. Мартенса // Международная жизнь. 1997. № 4. С. 101–111.

Информация об авторе(-ах):	Information about the author(-s):
Чернов Олег Александрович , доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории и археологии; Самарский государственный социально-педагогический университет (г. Самара, Российская Федерация). E-mail: chernov@sgspu.ru.	Chernov Oleg Aleksandrovich , doctor of historical sciences, professor of Domestic History and Archeology Department; Samara State University of Social Sciences and Education (Samara, Russian Federation). E-mail: chernov@sgspu.ru.

Для цитирования:

Чернов О.А. Ф.Ф. Мартенс о практике назначений и кадровых решений в сфере внешней политики России начала XX века // Самарский научный вестник. 2022. Т. 11, № 3. С. 175–178. DOI: 10.55355/snv2022113206.